

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

В. П. Аникин. *Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор*. Пособие для учителя. Учпедгиз, М., 1957, 240 стр.

В серии книг, предназначенных для учителей родного языка и литературы, работа В. П. Аникина — едва ли не первая, целиком посвященная русскому народно-поэтическому творчеству. Поэтому книга о так называемых малых жанрах русского фольклора вызывает особый интерес и требует внимательной оценки. Между тем, хотя книга В. П. Аникина послужила поводом для полемики, разгоревшейся в 1959 г. между «Учительской газетой» (см. отзывы Л. Блохиной в № 8 от 17 января и К. Алевского в № 91 от 1 августа) и «Литературной газетой» (см. статью Э. Померанцевой в № 93 от 28 июля и редакционную реплику в № 98 от 8 августа), по существу оценка ей еще не дана. Poleмика велась лишь по вопросу о подборе пословиц и загадок, который рецензенты «Учительской газеты» рассматривали вне всякой связи с содержанием книги и с ее задачами, вполне отчетливо сформулированными в предисловии самим автором.

Не затрагивая чисто методических вопросов, В. П. Аникин стремится дать учителю представление об истории, содержании, идейной и художественной ценности тех разновидностей русского фольклора, которые объединяются не только предельно краткостью объема, но и прочной педагогической традицией. Бесчисленные поколения детей в семье и школе учились родному языку при помощи пословиц, песенок, загадок, воспринимали через эти произведения «социальные симпатии и антипатии» (по выражению А. М. Горького), правила морали, трудовой опыт своего народа.

В связи с этим не совсем обычно построение книги, в которую вошли исследования В. П. Аникина по каждому из перечисленных в заглавии малых жанров, образцы самих произведений и довольно обширная библиография. Построение это вполне закономерно, так как, за исключением пословиц, которым в последнее время «повезло», остальные образцы малых жанров, и в особенности детского фольклора, очень редко издавались и мало доступны учителю, да и вообще широким читательским кругам. Без образцов текстов, которые отобраны из наиболее ценных фольклорных сборников, усвоение глав историко-теоретического характера было бы значительно затруднено. Кроме того, «хрестоматийная», по определению составителя, часть книги дает учителю возможность отобрать материал для урока, для беседы с детьми или занятий школьного литературного кружка.

Очерки В. П. Аникина о пословицах, загадках, детских песенках сочетают популярность изложения с широкой осведомленностью в литературе вопроса, умением подытожить труды дореволюционных русских ученых и советских фольклористов. Хотя в предисловии автор подчеркивает, что он не считал возможным претендовать на разрешение спорных вопросов, но освещение им истории многих произведений, их зарождения и первоначальной функции, а также проведенная в книге классификация пословиц по отражению в них различных сторон народного опыта и детских песен по происхождению и связям с фольклором взрослых — самостоятельны, интересны и могут рассматриваться как ценный вклад в фольклористику.

Особенно убедительны страницы, посвященные отражению в пословицах и поговорках идеологии различных классов и групп (стр. 10—11). Обращаясь к «народной мудрости», многие советские исследователи обнаруживали слишком отвлеченный подход к самому понятию «народ», далекий от марксистского принципа социальной и исторической конкретности. От пословиц древней Руси порой требовали отражения воззрений и оценок, возможных лишь на неизмеримо более высоком уровне мировоззрения народных масс, а все, что не отвечает нашему современному представлению о народности, относили за счет идеологического воздействия правящих классов. К сожалению, антиисторический подход к малым жанрам обнаружили и рецензенты «Учительской газеты», протестовавшие против всякого упоминания религиозных обрядов и христианского календаря в старинных приметах, пословицах, загадках.

Но ведь без произведений такого рода нельзя показать и элементов народной сатиры по адресу церкви, попов и обрядов, высоко оцененной еще В. Г. Белинским. Та же загадка «Воимчики поют, сухо дерево везут, заехал в ухаб, не выехать никак» (стр. 193), которую тт. Блохина и Алевский высмеяли и объявили ненужным архаизмом, интересна вовсе не описанием похорон, а насмешливым и непочтительным изображением попов и христианского обряда. К сатирическим образам пословиц и загадок они вообще проявили совершенно неоправданную суровость. Как можно оценивать книгу о пословицах, оставаясь нечувствительным к сложным и многообразным оттенкам народного сарказма, издевки, насмешки над отрицательными явлениями?

В главе о загадках убедительно показаны их трудовая основа, связь эстетической природы этого жанра с тайной иносказательной речью древних охотников, скотоводов, земледельцев (стр. 57—59, 74). Подбор загадок в хрестоматийной части книги иллюстрирует это положение. На примерах загадок: «Овца в корове» (чулок в башмаке), «Был я на копанье, был я на шлепанье...» (глиняный горшок) и других учитель может развернуть беседу о построении художественного образа на основе производственного опыта по принципу не внешнего сходства, а трудовых связей, внесенных в природу человеком. Образы как этих, так и построенных на сходстве предметов и явлений загадок об орудиях труда, растениях, животных и т. д. могут быть использованы и для ознакомления школьников с понятиями «метонимия», «метафора».

К числу наиболее удачных мест в книге следует отнести также сопоставление детских песенок-считалок с особыми способами пересчета, употреблявшимися в древности (стр. 112—116).

Коротко, но четко показаны В. П. Аникиным сложность состава детского фольклора и его специфика. «Детский фольклор,— пишет автор,— это произведения взрослых для детей, произведения взрослых, ставшие детскими, собственное творчество детей. Отличительная черта всех этих произведений состоит в учете возрастных особенностей детей... Детский фольклор — это сложившаяся в веках народная поэзия, нераздельно соединенная с практической педагогикой» (стр. 88). Однако, правильно определив сущность народного творчества для детей, В. П. Аникин в дальнейшем не оговорил, как он ограничивает привлекаемый материал. Название книги оказывается гораздо шире ее содержания. Следовало указать, что в ней рассматривается не весь детский фольклор, а лишь его песенные жанры (так, за пределами книги остались детские сказки). В этом ограничении области детского фольклора В. П. Аникин пошел вслед за стихийно сложившейся традицией старой науки, традицией, не подвергавшейся решительному пересмотру и в трудах крупных советских исследователей — Г. С. Виноградова и О. И. Капицы. К сожалению, им не были учтены соображения других выдающихся ученых нашего времени. А. И. Никифоров писал о «ребячьей сказке» и ее стилистической обработке (см. статью «Народная детская сказка драматического жанра» в сб. «Сказочная комиссия в 1927 году», Л., 1928). Ю. М. Соколов отметил специфику детского сказочного репертуара, особенности его исполнения и существование сказочников, полностью посвятивших свое творчество детской аудитории (см. предисловие к сб. И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края», «Academia», М.—Л., 1934).

Ограничившись песенными жанрами детского фольклора, автор книги как в характеристике, так и в подборе текстов этих жанров допустил довольно существенные пробы. Так, в разделе о колыбельных песнях не раскрываются народные чаяния и ожидания, связанные с представлением о будущем ребенка. Эти чаяния и ожидания могли выливаться в наивную форму поэтической идеализации и вызывать появление образов богатства, роскоши, изобилия, заимствованных из феодального быта. Подобные черты «баек» В. П. Аникин склонен объяснять с излишней социологической прямолинейностью, относя их за счет творчества нянюшек, мамушек и сенных девушек, живших в боярских и помещичьих домах (стр. 93). Однако те же народные представления о счастливом будущем ребенка часто выражались в более реалистических образах, рисовавших трудовую жизнь крестьянства, проникнутых глубоким уважением к труду, говоривших об оценке человека по степени его участия в общей дружной работе большой семьи.

Органическая связь искусства с трудовой деятельностью и навыками трудового воспитания сравнительно слабо показана также при анализе календарного и игрового детского фольклора. Об этом вскользь говорится лишь на стр. 103. Для песен, исполнявшихся детьми при сбивании масла, сборе колосьев, для считалок о сенокосе, обработке льна, хлеба не нашлось места и в разделе текстов.

Очень мало места и внимания уделено сатирическим мотивам детского фольклора. Ни в статье, ни в хрестоматийной части почти не привлечены песенки-издевки о барах и барчатах, о попах и попадьях, юмористические произведения о лентяях, белоручках, неряхах — «Лизе-неумое», племяннице, просившей у дядюшки лошадь, чтобы вывезти мусор из избы, и т. д. Между тем сатира широко представлена в русском детском фольклоре, что хорошо показывает его глубокую идейную близость к народному творчеству в целом и ту демократическую направленность, которая особенно близка нам в опыте народной педагогики прошлого.

Существенные упущения есть и в других разделах книги. Так, в главе о пословицах слишком бегло сказано об использовании этих произведений В. И. Лениным и о том, как высоко ценил В. И. Ленин народную мудрость, в то же время отнюдь не идеализируя и не прикрашивая ее. Эти сведения очень пригодились бы учителю

и в его передаче безусловно заинтересовали бы учеников. В библиографии пословиц не указана даже имеющаяся по данному вопросу литература.

Автор знакомит читателей с историей изучения и литературного использования пословиц, загадок, детских песен. Все эти историографические обзоры написаны вполне добросовестно, богаты фактами, однако они мало отличаются от таких же обзоров в учебниках и пособиях для вузов. Профиль книги, предназначенной прежде всего для учителей, обаявал В. П. Аникина проследить не столько изучение того или иного жанра, сколько его проникновение в школу, в детскую книгу. Необходимо было выделить ценные для нас примеры использования малых жанров фольклора выдающимися русскими педагогами.

В главе о детском фольклоре роль В. И. Даля и К. Д. Ушинского (в особенности последнего) показана недостаточно. Совсем не освещены интересные опыты В. П. Острогорского, составлявшего целые рассказы для школьников из народных пословиц и поговорок; обойдена молчанием многолетняя работа Л. Н. Толстого над включением фольклорного материала в знаменитые «Книги для чтения».

Пристальная оценка удач и неудач книги о малых жанрах до известной степени поможет облегчить, по нашему мнению, подготовку других пособий для учителей, посвященных иным жанрам русского фольклора — былинам, сказкам, песням.

Большие перемены, происходящие сейчас в советской школе, требуют от учителя все большей идейной и эстетической подготовленности и делают еще более актуальным изучение искусства, созданного народом-труженником.

Э. С. Литвин

М. П. Хамаганов. *Очерки бурятской афористической поэзии*. Улан-Удэ, 1959, 264 стр.

Выход в свет монографии по бурятскому народному афористическому творчеству с постановкой ряда теоретических проблем — заметное явление в бурятском литературоведении.

Книга М. П. Хамаганова состоит из Введения и четырех глав («Бурятские пословицы», «Бурятские поговорки», «Бурятские загадки», «Бурятские народные благопожелания») и Заключения. В книге исследуется большой фольклорный материал, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот.

Развитие бурятской афористической поэзии рассматривается в рецензируемой книге по трем периодам. К первому периоду автор относит афористические произведения, возникшие в эпоху первобытно-общинного строя, в эпоху его разложения и формирования патриархально-феодалных отношений; ко второму периоду — произведения, созданные после добровольного вхождения Бурятии в состав русского государства; к третьему периоду — произведения, появившиеся в советское время.

Эта периодизация по социально-историческим эпохам — по существу первая попытка научного подхода к анализу исторического развития бурятского фольклора. За многовековую историю его развития в нем накопилось множество произведений, имеющих различное историческое происхождение. Автору удалось показать целостную картину развития бурятской афористической поэзии по отдельным периодам, выяснить, где, когда и при каких условиях возникали те или иные произведения.

Относительно происхождения афористической поэзии и ее ранних форм М. П. Хамаганов высказывает оригинальную точку зрения. Основные его положения следующие: афористическая поэзия создается еще в начальном периоде первобытно-общинного строя и достигает своего расцвета в период разложения родового строя монгольских народов, где, в частности, пословицы и загадки стали применяться для передачи важных и серьезных мыслей при ведении тайных дипломатических переговоров. Анализируя афористические произведения периода первобытно-общинного строя, автор считает, что в основе их лежит стихийно-реалистический метод изложения окружающей действительности, в частности охоты. В доказательство этого он указывает на тематику некоторых пословиц, например: «Не убив зверя, не дели его шкуру»; «На месте, где убил козу, три раза [следует] побывать» (стр. 42).

М. П. Хамаганов на большом фактическом материале старается показать, как во втором периоде старые темы, связанные со звероловством, а позднее и скотоводством, отходят на задний план и на смену приходят темы, связанные с освоением бурятами земледельческой культуры русских, например: «Кто презирает хлеб [урожай], тот лишится пищи; кто пренебрегает женщинами, тот останется без потомства»; «Что посеешь, то и пожнешь; что выращивал, то и получишь» (стр. 54). Афористическая поэзия этого периода отражает очень острую социальную борьбу, новые общественные формы, мысли, идеи. Таковы, например: пословица «У бедняка много хозяев, у сироты много нойонов»; загадка — «Что такое три шершавых, грубых? — Язык взрослого быка груб, горный точильный камень груб, установленная ханом власть груба».

«В основе афористических произведений, созданных во второй период, — пишет автор, — лежит творческий метод — критический реализм, благодаря которому афоризм